

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский

В 1836 году появился в «Современнике» отрывок из записок Девицы-кавалериста. Не говоря уже о странности такого явления, литературное достоинство этих записок было так высоко, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны Пушкина{1}. С тех пор литературное имя Девицы-кавалериста было упрочено. Она издала «Девицу-кавалериста», потом «Год жизни в Петербурге»{2}, а теперь вновь является на литературную арену с дополнениями к «Девице-кавалеристу». Прежде нежели мы увидели эту книгу, мы прочли в одном из №№ «Литературных прибавлений» прошлого года отрывок из нее, в котором Девица-кавалерист описывает свое детство: {3} боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок, с ее юношескою проказливостью, рыцарским духом, отвращением к женскому платью и женским занятиям, с ее глубоким поэтическим чувством, с ее грустному, тоскливым порыванием на раздолье военной жизни из-под тяжелой опеки доброй, но не понимавшей ее матери! И что за язык, что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она эту мужественную твердость и силою, эту яркую выразительность своего слога, эту живописную увлекательность своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию. Глубоко поразил нас этот отрывок в «Литературных прибавлениях», и по выходе книги мы вновь перечли красноречивые и живые страницы дико-странного и поэтического детства Девицы-кавалериста. Мы приняли глубокое участие в ее потере Манильки и тетери, равно как и всего, что любила она в детстве и что вырывала у ней злая судьба, как бы закаляя ее сердце для того поприща, на которое готовила ее; вместе с нею мы любовались ее Алкидом, гладили его по крутой шее, чувствовали у щеки своей горячее дыхание его пламенных ноздрей...

Жизнь и странное поприще героини «Записок» поясняются несколько ее молодостью; но ее детство – это богатый предмет для поэзии и мудреная задача для психологии. Не все места в «Записках» так интересны, как «Некоторые черты из детских лет», но нет ни одного незанимательного, неинтересного.

В середине «Записок» выпущен огромный рассказ, помещенный в «Отечественных записках» под названием «Павильон»{4}. Для «Отечественных записок» это очень выгодно, но для «Записок Александрова» это очень невыгодно. Поговорим об этой прекрасной повести. Прежде всего скажем, что она очень растянута, без чего ей не было бы цены, не как художественному произведению, но как в высшей степени мастерскому рассказу истинного события. Герой повести – прекрасный ксендз Валериан, сын ксендза-пробоща, мужа кроткого и религиозно-добродетельного. При красоте и молодости, Валериан был учен, красноречив, жизни примерно строгой, беспощаден к слабостям ближних. Начальство посылало его, двадцатилетнего юношу, для исправления кляштора{5}, – и с неумолимою строгостью выполнил он это поручение. Через пять лет, по желанию отца своего, он определен был его помощником, или викарием. Все соседнее дворянство было в восторге от красоты и красноречия викария; когда он говорил проповедь, церковь была полна, а после тысячи приглашений следовали одно за другим; но викарий, к величайшему оскорблению приглашавших, ни с кем не хотел заводить знакомства. У хозяина дома, где нанимал он квартиру, был сад с павильоном; под разными предлогами, викарий выпросил себе этот павильон. В это время он на несколько дней отлучался из своего уезда, и с его возвращением павильон облекся непроницаемою тайною. Никогда не ходил в него викарий, никого не вводил в него, а между тем по ночам из него слышно было пение как будто женского голоса, с аккомпанементом арфы. Разумеется, о таинственном павильоне пошли разные толки. Жид Шлёмка, лично обиженный ксендзом, говорил под рукою, что раз ночью в павильон провезена была дорогая мебель.

В павильоне в самом деле была женщина. Валериан давал уроки на арфе одной безобразной наследнице огромного имения. В этом доме жила дальняя родственница, девочка лет четырнадцати, ангел красоты. Злая наследница, ревнуя к ее красоте, обращалась с нею как с служанкою, била ее по щекам. Вообще она отпирывала в доме самые низкие работы, ела за одним столом с холопами, жила с ними же; наконец злоба и зависть молодого богатого чудовища довела ее – до скотного двора. В это время Валериан был назначен викарием в костел своего отца и должен был расстаться с своею миллионною ученицею. Еще и прежде ласкал и утешал он украдкой бедную Лютгарду, которая полюбила его со всем жаром молодого благодарного сердца, полюбила, как единственное в мире существо, которое обошлось с нею, как с человеком, а не как с животным, полюбила его, как отца. У

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru него блеснула в голове мысль вырвать прекрасное существо из демонских когтей. Павильон давал ему для этого средство. Омеблировавши и приготовивши его, он тайно съездил в поместье Хмар*** и – похитил Лютгарду. Полтора года жила в таинственном павильоне прекрасная затворница, и в это время выучилась читать, писать, рисовать, играть на арфе, узнала французский и английский языки – и все это благодаря отеческой любви и нежности Валериана.

Наконец затворничество стало томить Лютгарду: ей захотелось на свет, к людям. Она любила Валериана, как отца, а он думал в ее любви, в ее неопределенной тоске видеть любовь к нему, как любовь женщины к мужчине... молодая прелесть Лютгарды победила эту гордую, непреклонную душу – и не любовь, не чувство, а дикая, волканическая страсть схватила ее в свои когти, но тихо крылась в ее недоступной глубине, как кроется в недоступных недрах Этно подземный огонь и лава, пока не поколеблят ее основания, чтобы прорваться вон на гибель и опустошение всего окрестного...

Надобно сказать, что около этого времени Валериан познакомился с графом Р***, богачом, мотом, волокитой и повесою, но человеком образованным и благородным в душе, словом, одним из тех людей, которые ветрены и пусты только до тех пор, пока не сознают себя, потрясенные каким-нибудь могучим чувством. Валериан до такой степени полюбил графа и подружился с ним, что даже предложил ему у себя квартиру и был с ним неразлучно.

Жид Шлёмка, из видов мщения, возбудил в ветреном графе ужасное любопытство насчет павильона.

Час, в который Валериану надобно было заняться своими делами, пробил; граф пожелал ему доброго дня и пошел в дом; а Валериан с трепетанием сердца отворил тяжелую, огромную парадную дверь павильона. Лютгарда сидела на диване перед столиком; перед нею лежала бумага, цветные карандаши, но она не рисовала; голова ее склонилась на руку, которою она облокотилась на столик, и светло-русые кудри лежали на нем блестящими кольцами. Она не слыхала прихода Валериана.

– О чем так глубоко задумалась, дочь моя?

Лютгарда затрепетала, толкнула столик, быстро вскочила с места и спешила скрыть бумагу, на которой было что-то нарисовано.

– Как? – сказал удивленный Валериан. – Моя Лютгарда имеет от меня тайны?

Лютгарда со слезами на глазах подала ему рисунок.

– Ты позволил мне рисовать, что я хочу, мой добрый друг; так я изобразила то счастливое время, когда мой отец, мой единственный друг, мой добрый Валерий любил меня.

Лютгарда, плача, бросилась на грудь Валериана, который держал рисунок и не знал, верить ли глазам своим: с редким искусством, точностью и сходством изображен был он сам, сидящий в ученой комнате в доме Хмар***, держащий тринадцатилетнюю Лютгарду на коленях в ее грубом холстинном платье и прижимающий уста свои к ее светло-русой головке.

– Ах! Лютгарда! неужели!.. – Голос его замер; он посадил ее опять на диван и, трепеща от восторга, сгорая любовью и ужасаясь самого себя: – Что с тобою, моя Лютгарда? – сказал он наконец изменившимся голосом. – Что с тобою? как могла ты подумать, что я перестал любить тебя?

– Ах, да, мой добрый Валерий: ты не любишь меня так, как я люблю тебя: ты уходишь от меня, оставляешь по целым часам одну; а я... я... Боже мой! Валерий, мой добрый Валерий! зачем же ты оставляешь меня одну? – Говоря это, она плакала и прятала свою голову на грудь его; длинные волосы ее лежали на коленях его густыми золотистыми волнами.

– Она любит меня... меня! О верх благополучия!.. Но может ли она быть моею? Но могу ли я отречься звания моего и жениться на ней?

Эта мысль, одна только эта мысль утишила бунт чувств Валериана, до исступления взволнованного слезами, ласками и словами Лютгарды. С неизъяснимою нежностью прижал он ее к груди своей и впервые целовал полные румяные уста девицы, которую от сего часа считал уже будущею подругою жизни своей. «Лютгарда, милая Лютгарда! – говорил он томным голосом и покрывая поцелуями все черты прекрасного лица ее, – я люблю тебя! О, если б я мог передать тебе то словами, что чувствую в душе!» Валерий безмолвно прижимал к сердцу милое бремя, лежавшее на груди его, и смотрел в глаза Лютгарды с таким выражением страстной, пламенной любви, что молодая девица в первый еще раз покраснела и пришла в замешательство от взоров доброго своего Валерия{6}.

* * *

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Валериан пал к ногам бискупа{7}, рассказал ему все – и разрешенный им от своих обетов, изнемогая от полноты блаженства, бросился он к павильону... но уже не нашел там Лютгарды...

Уехавши, он оставил полным господином своего дома графа, которого и прежде уже заметила Лютгарда, в его ночных прогулках с Валерианом по саду, мимо павильона... Лютгарда любила Валериана, как любит свою мать избалованный ребенок, и ей не приходило и в голову, что он мужчина... При виде графа сердце ее признало и мужчину и родное себе сердце, по которому оно долго тосковало; а граф, из ветренности желавший увидеть таинственную обительницу павильона, при виде ее забыл свою дерзость, легкомыслие и ветренность...
А Валериан?

Он остался жив, не сошел с ума: только это можно было видеть, и только это можно было сказать о нем. Но сам Шлёмка, встречаясь с ним, со стыдом и раскаяньем потуплял глаза. Ничто не изменилось в поступках Валериана: он был горд, холоден, неприступен, как всегда; важен в служении, точен в исполнении своих обязанностей, холодно почтителен к отцу. Одно только удивляло несколько знавших его прежде: он перестал сочинять проповеди; когда отец спрашивал его, для чего он оставляет в небрежении редкий талант свой в этом роде, – он тотчас уходил, не говоря ни слова. В наружности его также не видно было большой перемены: выражение лица все то же строгое, важное, благочестивое; одна только бледность, несколько не разнящаяся от бледности мертвого, и выражение адских мук, как молния пролетающее иногда по его физиономии, обличали, что в сердце Валериана скрывается что-то никому неведомое, но ужасное. При постоянном наблюдении его физиономии, можно было угадывать, что мысли его на чем-то сосредоточились, около чего-то вращаются непрестанно, есть что-то в виду у него, чем-то занят он день и ночь; но что это такое, чем именно занят ум его, в какую бездну погрузились все его мысли, чувства и способности, – не мог домыслиться никакой разум человеческий.

* * *

В селение Роз*** вступал гусарский полк. У ворот Валериановой квартиры остановилась карета, из которой граф вынул осторожно Лютгарду, положение которой требовало скорой помощи и удобного убежища. «Мой Эдуард, – говорила графиня, – счастье мое было слишком велико; оно не для здешнего мира! Я была неизъяснимо счастлива тобою, милый супруг мой. Пусть же эта мысль утешит тебя в моей потере. Прости, Эдуард!»

Через несколько часов бездушный труп Лютгарды был положен в павильон, по той причине, что в нем было прохладнее; а несчастный граф только мысли – умереть в честном бою за отечество, был обязан тому, что не умер иди не сошел с ума. Поручивши старому ксендзу погребсти жену, он ускакал за своим полком...

* * *

«В твоём павильоне есть гость, сын мой. Не подосадуи, что я распорядился без тебя; ты и сам не отказал бы такому жильцу в часовом приюте. Завтра мы все отнесем ее в последнее и вечное жилище». – «Ее? Кто ж это, батюшка? В вечное жилище: итак, это мертвое тело?» – «Да; третьего дня проходил здесь гусарский полк, и одна полковая дама, жена графа Р***, твоего старого знакомца, замучилась родами, умерла, и плод супружества ее не увидел света: она умерла не разродившись. Граф просил нас похоронить ее и дал на это огромную сумму». «Умерла?.. В павильоне?.. Тело!» – Страшные судороги исказили все черты лица Валериана. Отец в испуге отскочил от него. «Что с тобою, сын мой? Да помилует тебя господь. Что с тобою?» Валериан не слушал; он выхватил из рук отца ключ, пошел скорыми шагами к роще и говорил таким голосом, которого содрогался сам: «Умерла! Тело в павильоне. Тело!»
Надобно было проходить тополевою рощу во всю длину ее прежде, чем прийти к павильону. Мрачнее ночи было лицо Валериана. Он шел скоро, дыша тяжело, и судороги поминутно изменяли черты его: «Только б мне дойти! только для этого нужны мне силы. О, если б я мог дойти. Кровь задушит меня; в глазах уже темно... Ах, если бы я мог дойти!..» Злой судьбе его угодно было, чтоб он дошел. Ей угодно было более...

Валериан в кабинет; Лютгарда на постеле сидит и держит у груди двух младенцев. «Графиня! тело... В павильоне тело!» Исступленный Валериан, в припадке сильнейшего безумия, хватает с окна нож – увы, острый, как бритва... «Валерий, мой добрый Валерий! – кричит Лютгарда, простирая одну руку навстречу убийственному острию, а другого прижимая к груди обоих детей. – Прости меня! помилуй детей моих, Валерий! О, боже! Валерий!»

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
...Окровавленные тела Лютгарды и детей ее положили в один гроб, великолепный, который не миновал своего назначения: «Для тела графини Лютгарды Р***». И хотя она была тогда жива, когда его делали, однако ж он принял ее в себя мертвую. Ужасно было посиневшее лицо Валериана, кровь задушила его. Страшно было слышать, как отчаянный Венедикт клял мертвого; присутствовавшие с ужасом убежали из дома.

Блистательный гроб Лютгарды, многочисленность духовенства, торжественность обряда привлекли несметную толпу народа; процессия медленно подвигалась к кладбищу, достигла его; все окружили гроб графини, все говорили плача: «Царство небесное несчастной!..» Ее опустили в землю, работники стали засыпать могилу, зрители в молчании молились. Вдруг все затрепетали и поспешно оборотились к тому месту, где гроб Валериана стоял уединен близ могилы, в которую должно было опустить его; все окаменели от ужаса. Венедикт стоял у гроба: крышка сброшена, покрывало снято, страшное черно-багровое лицо Валериана было открыто, все отвернулось с трепетом. «Сын мой! – гремел сильный голос старца, – сын мой! мое проклятие, проклятие отца да сопутствует тебе в могилу! да пойдет оно с тобою в вечность! да предстанешь с ним пред лицо всемогущего; да заградит оно тебе дорогу к милосердию его!.. проклятие сыну моему, вечное проклятие!..» Пробощ упал замертво, невозможно описать, в какой ужас были приведены все присутствующие: женщины в трепете убежали из ограды, многие упали в обморок; мужчины, в молчании и с содроганием отворачиваясь от почерневшего лица убийцы, спешили оставить кладбище.

С того дня не было другого названия Валериану, как страшный ксендз. От народа оно перешло к высшему кругу, и теперь те, которые десять лет тому назад называли ксендза Валериана прекрасным Валерианом, проходя мимо его могилы, говорят: «Вот могила страшного ксендза», и – спешат пройти скорее мимо ее.

Глубокое и резкое впечатление производит этот рассказ, за исключением излишнего обилия подробностей и некоторой растянутости, так энергически и с таким искусством изложенный!.. Этот безрассудный отец, самовольно определивший своему сыну противное его духу поприще и за то проклинающий его труп за страшное злодеяние; этот молодой ксендз, с его глубокою душою и волканическими страстями, усиленными воспитанием и уединенною жизнью, страстями, которые, без этого, может быть, прониклись бы светом мысли и возгорелись бы кротким огнем чувства, а могучая воля устремилась бы на благое и в благой деятельности дала бы плод сторицею: какие два страшные урока!.. Не доказывает ли первый, что нравственная свобода человека священна: отец Валериана еще в детстве обрек его служению алтаря, но бог не принял обетов, произнесенных бессознательным и недостовольным повиновением чуждой воле, а не собственным стремлением выполнить потребности своего духа и в этом выполнении обрести свое блаженство!.. Не доказывает ли второй, что только чувство истинно и достойно человека; но что всякая страсть есть ложь, заблуждение, грех?.. Чувство не допускает убийств, крови, насилия, злодеяния; но все это есть необходимый результат страсти. Что такое была любовь Валериана? – страсть могучей души и, как всякая страсть, – ошибка, обман, заблуждение. Любовь есть гармония двух душ, и любящий, теряясь в любимом предмете, находит себя в нем и если, обманутый внешностию, почитает себя не любимым, то отходит прочь с тихою грустию, с каким-то болезненным блаженством в душе, но не с отчаянием, не с мыслию о мщении и крови, обо всем этом, что унижает божественную природу человека. В страсти выражается воля человека, стремящаяся, вопреки определению вечного разума и божественной необходимости, осуществить претензии своего самолюбия, мечты своей фантазии или порывы кипящей своей крови...

А эта милая, прекрасная Лютгарда! – Страшен конец ее, но мысль о нем не леденит души: не вотще жила Лютгарда – она могла бы дать о себе эту поэтическую весть с того света:

...Я все земное совершила,

Я на земле любила и жила!{8}

Да, повторим еще раз: повесть «Павильон» представляет собою прекрасное содержание, увлекательно и сильно, хотя местами и растянуто, изложенное; обличает руку твердую, мужскую.

Кстати: говоря о прекрасной повести г. Александрова, мы не можем не упомянуть об отзыве о ней одного журнала. Еще во 2 книжке своей «Сын отечества» изъясил добродушное удивление к странному положению современной русской литературы, вследствие которого «О. И. Сенковский шутит; Пушкина и Марлинского (?) дочитываем мы последние статьи; Д. В. Давыдов вспоминает былое; Девица-кавалерист, Рафаил Михайлович Зотов и князь А. Шаховской рассказывают нам

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru повести; П. П. Свиньин является с драмою, а Н. В. Кукольник пишет драматические фантазии». «Все точно так, как есть в самой действительности», – с тем же добродушием заключает маститый «Сын отечества»{9}.

Под старость люди плохо видят, плохо слышат, а следовательно, и не совсем хорошо понимают. К этому присоединяется еще и то, что старые люди меряют современность понятиями того блаженного времени, в которое они, старые добрые люди, были молоды, здоровы, полные надежд, воевали, в свою очередь, с устарелыми, обветшалыми мнениями. После этого удивительно ли, что маститый «Сын отечества» с таким старческим добродушием удивляется тому, что нисколько не удивительно{10}. Но тем не менее мы поставляем долгом надоразумить почтенного Нестора наших журналов (второго после «Вестника Европы»){11}, растолковав ему следующее:

1. Пушкина мы дочитываем потому, что он умер, а после его смерти было напечатано несколько его сочинений.

2. По той же самой причине и Марлинского дочитывают те, которые еще читают его.

3. П. П. Свиньин явился с драмою потому же самому, почему Н. А. Полевой – журналист, литератор, историк, философ, эстетик, политико-экономист, статистик, критик, стихотворец, романист, нувеллист – явился с своими драмами, комедиями, операми и водевилями.

4. Нестор же Васильевич Кукольник пишет драматические фантазии потому, что ему бог дал прекрасное дарование писать поэтические фантазии.

5. Что же касается до того, что Девица-кавалерист, Рафаил Михайлович Зотов и кн. А. А. Шаховской рассказывают нам повести, – то заметим, что

а. Девицу-кавалериста отнюдь не должно смешивать с Р. М. Зотовым, даже и в шутку, а не только в правду.

б. Девица-кавалерист пишет повести потому же самому, почему писал и пишет их теперешний редактор «Сына отечества», с тою только разницею, что перевес права бесспорно на ее стороне, потому что на ее стороне перевес таланта...

В 3-й своей книжке «Сын отечества» вот как рассуждает о «Павильоне» г. Александрова:

Как хорош эпизод об Олинке в нынешнем добавлении! Как тут все просто и естественно! Можно ли сравнить такой рассказ с кровавыми, неестественными подробностями «Павильона». Мы говорим: неестественными. Нам могут (и очень) возразить, что все так точно было в самом деле: ксендз воспитывал в павильоне девушку, граф похитил ее, а ксендз зарезал ее. Но все-то что такое? Неестественное, нравственное уродство, а уродство не принадлежность искусства изящного. Нас простит г-жа Дурова за наши замечания, потому что мы говорим наше мнение искренно (конечно) и не следуем обычаю других: хвалить наповал или бранить оптом писателя. (Верим...) Мы знаем и уверены, что дарования бывают различны (что правда – то правда), и что всего труднее, может быть, узнать настоящую дорогу своего дарования, так что самые гениальные люди в том ошибались[1]. Хотите ли примеров? Байрон и Державин были великие лирики (?!), В. Скотт великий романист, Шиллер великий драматик, Ирвинг-Вашингтон превосходный рассказчик новостей, но назло природе хотели быть – Державин и Байрон драматическими писателями, В. Скотт историком (о, история – камень преткновения!..), Шиллер историком и философом, а И. Вашингтон решительно отказался от повести и упорно пишет теперь истории, в которых каждая глава доказывает, что он историк плохой{12}.

Что сказать об этом? «Ксендз воспитывал в павильоне девушку, граф похитил ее, а ксендз зарезал ее»; можно ли так излагать содержание повести? Таким изложением можно ополить любую драму Шекспира. «Мавр из ревности удушает невинную жену, а потом, узнавши о ее невинности, зарезывается: что это такое? – неестественное уродство, а уродство не есть принадлежность искусства изящного». Хороша критика на «Отелло» Шекспира? О, мы умеем критиковать! Лажечникову мы не позволим писать романов{13}, Девицу-кавалериста не оставим предостеречь писать повести – мы как раз предостережем их, уверив, что они идут по ложной дороге, что одно им спасение – перестать писать, предоставить эту заботу нам. Кстати: уведомляем, что мы пустились писать драмы (слово «мы» достаточно указывает на их высокое достоинство), а посеми и объявляем, что все драматики – бывшие, сущие и будущие

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru – от Шекспира до господина х включительно – шли, идут и будут идти ложною дорогою, вопреки природе и назло своему дарованию. Не мешайте нам – мы любим простор; а впрочем, мы критики честные и добросовестные, «мы говорим наше мнение, хотя и не грамматически, но искренно, и не следуем обычаю других: хвалить наповал или бранить оптом писателя»{14}. Что же касается до того, что Байрон (вкупе и влюбe с Державиным) был лирик, об этом нечего много и говорить. Но что касается до Вашингтона Ирвинга, то мы не согласны, будто он уж решительно плохой историк и что его «История Колумба» потому только никуда не годится, что г. Полевой сочинил отрывок из своей истории Колумба, которая, без сомнения, была бы лучше Вашингтоновой, если б была написана...{15} Равным образом, мы не согласны и с тем, будто Шиллер назло природе был историком и философом. Мы знаем из достоверных источников, что Гегель признавал в Шиллере философский элемент, едва ли не больший еще, чем поэтический, и признал Шиллера истинным основателем науки изящного (эстетики){16}. Но что нам до Гегеля – Гегель врет, Гегель – жалкое явление после Шеллинга, так же как Варнгаген – после Шлегеля; современная немецкая литература – вздор, пустоцвет. Да читали ли вы Гегеля? – Зачем читать – мы и так знаем. Изучали ли вы современную немецкую литературу? – Когда нам! мы пишем водевили...{17}

Примечания

Впервые – «Московский наблюдатель», 1839, ч. II, № 4, отд. IV «литературная хроника», с. 70–85 (ц. р. 8 апреля; вып. в свет 17 июня). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. III, с. 76–82.

Вся последняя часть данной рецензии, начиная со слов: «Кстати, говоря о прекрасной повести г. Александрова...» вошла в статью «Беспристрастное суждение «Московского наблюдателя» о «Сыне отечества», опубликованную в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» (1839, т. II, № 4, 29 июля). Для этой статьи Краевский использовал отрывки еще из двух рецензий Белинского, дополнив их общим предисловием и мелкими вставками соединительного характера. В связи с этим Белинский писал Краевскому 19 августа 1839 года: «Благодарю вас за перепечатку моей статьи, (точнее – моих статей) из «Наблюдателя»: еще в первый раз меня будет читать большая публика».

Сноски

1

Самым разительным примером этому служит г. Полевой. Он был всем, но на всем остановился на полдороге: начавши «Историю русского народа», оканчивает водевилем с замысловатыми куплетцами{18}.

Комментарии

1

В числе «некоторых» был и сам Белинский. Он писал о «Записках» в рецензии на вторую книжку «Современника»: «Если это мистификация, то, признаемся, очень мастерская; если подлинные записки, то занимательные и увлекательные до невероятности» (наст. изд., т. 1, с. 519).

2

«Кавалерист-девица. Происшествие в России» было издано в 1836 г. «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» – в 1838 г.

3

В № 41 «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» за 1838 г. под названном «Некоторые черты из детских лет».

4

Повесть «Павильон» напечатана впервые в «Отечественных записках» 1839, № 2, отд. III, с. 2–138.

5

Кляштор (польск. klasztor) – монастырь, обитель.

6

Цитируется с. 112–113; далее цитируются с. 124, 131–133, 137–138.

7

Бискуп – католический епископ.

8

Из стихотворения Жуковского «Голос с того света. Из Шиллера» («Не узнавай, куда я путь склонила»).

9

Цитируется рецензия Полевого на сборник «Сто русских литераторов» («Сын отечества», 1839, № 2, отд. IV, с. 124); в цитируемом тексте курсив также в словах «нам повести».

10

Эту мысль о Полевом как редакторе «Сына отечества» Белинский развил во втором обозрении «Русские журналы» (см. наст. т., с. 433–435).

11

«Вестник Европы» начал выходить в 1802 г., «Сын отечества» в 1812 г.

12

Цитируется рецензия Полевого на «Записки Александрова (Дуровой)» – «Сын отечества», 1839, № 3, отд. IV, с. 88.

13

Белинский, возможно, имеет в виду следующее высказывание Полевого о Лажечникове: «...если он пойдет далее по превратному пути, какой избрал в своем «Ледяном доме», то падение его будет неизбежно» («Сын отечества», 1838, № 10, отд. IV, с. 69).

14

Белинский иронически передает содержание статьи Н. А. Полевого «Несколько слов о русской драматической словесности» («Сын отечества», 1839, № 4). Многочисленные цитаты из нее приведены в статье «Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого» (см. наст. т.).

15

В это время в России были известны два перевода «Истории Колумба» Вашингтона

Записки Александрова (Дуровой)... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Ирвинга: «История жизни и путешествий Христофора Колумба». Пер. с франц. Николая Бредихина, тт. I–IV. СПб.; 1836–1837, и «История жизни и путешествий, открытий и приключений в Новом свете». Пер. с англ. Дмитрия Паскевича, ч. I–II. СПб., 1839. В 1835 г. Н. Полевой выпустил первую часть своей книги «Христофор Колумб», остальных не последовало.

16

Гегель писал об этом в «Лекциях по эстетике». См.: Гегель. Эстетика в 4-х томах, т. I. М., «Искусство», 1968, с. 66–67.

17

Эти суждения о Полевом Белинским были развиты в статье «Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого».

18

Первый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого вышел в 1829 г. Водевиль, о котором говорит Белинский, – «Чересполосные владения» (СПб., 1838) – содержал куплеты, не отличавшиеся достаточной благопристойностью.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!